

В ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ЛЕТ ЕКАТЕРИНА ГОРДЕЕВА В ПАРЕ С СЕРГЕЕМ ГРИНЬКОВЫМ СТАЛА САМОЙ ЮНОЙ ЧЕМПИОНКОЙ МИРА ЗА ВСЮ ИСТОРИЮ ФИГУРНОГО КАТАНИЯ. ПОСЛЕ ЭТОГО ОНИ С ВИДИМОЙ ЛЕГКОСТЬЮ ЗАВОЕВЫВАЛИ ОДНУ МЕДАЛЬ ЗА ДРУГОЙ, А ПОКЛОННИКАМ СО ВСЕГО МИРА КАЗАЛОСЬ, ЧТО ОНИ ХОРОШО ЗНАЮТ ЭТУ МАЛЕНЬКУЮ РУССКУЮ ДЕВОЧКУ С ОЧАРОВАТЕЛЬНОЙ УЛЫБКОЙ. НО, БЕЗУСЛОВНО, НИКТО НЕ ЗНАЕТ ЕЕ ЛУЧШЕ, ЧЕМ МАМА, ЕЛЕНА ЛЬВОВНА ГОРДЕЕВА.

«БАБУШКИ — СЕКРЕТНОЕ ОРУЖИЕ РОССИИ»*

В книге «Письма Даше» Катя написала: «Своим успехом я целиком обязана бабушке. Я ничего не добилась бы на льду, если бы не она. Она была бабушка-суперзвезда». Расскажите о той бабушке, на которой держался весь ваш дом. Это моя мама — Лидия Федосеева. Папа — Лев Федосеев — был военнотружашим, преподавал

в бронетанковой академии. Мама же не работала и всю свою жизнь посвятила семье. К дому и к воспитанию детей она относилась с большой ответственностью, считая, что муж и дети всегда должны быть одеты с иголочки, дома должен быть уют и идеальный порядок, на кухне приготовлен вкусный обед и т.д. Когда появилась Катюха,

мама взяла на себя все заботы о ней. Я работала в ТАСС, часто ездила в командировки, муж постоянно был на гастролях. Бабушка же отдавала ей все свое время. Помню, звоню однажды маме: «Ты где?» — «Еду в аэропорт, Катя там сумку забыла».

**Е. Гордеева, «Письма Даше».*

Как забыла? Я вспоминаю прессу тех лет: везде говорилось о том, что «не было случая, чтобы она что-то забыла или куда-то опоздала».

А я вам сейчас объясню. Этот случай был единственным — наверное, поэтому и запомнился. Сережа тогда заболел, и Катя уезжала на сборы одна. Но она настолько привыкла к тому, что рядом есть Серега, который никогда не забудет взять ее сумку, то ей и в голову не пришло, что на этот раз ее сумка не следует за ней. А то, что Катя с самого рождения была очень аккуратным ребенком, это действительно так. У нее всегда все было по полочкам: конечки в одном углу, тряпочка в другом. Она и сейчас такая.

Привожу слова Кати: «Однажды папа пришел на соревнования, и я страшно разнервничалась. После этого он ни разу не был на соревнованиях, пока я не стала кататься в паре». Александр Алексеевич был настолько требовательным или так велик был его авторитет в глазах Кати?

Он профессиональный танцор, и насколько требовательно относился к себе, настолько и к детям. Если он видел, что у Кати ручка или ножка шли не так, то ужасно переживал, и, когда она возвращалась домой, он говорил ей, что это не так, это не так и вот это не так. Ему настолько всегда хотелось передать все, что он сам чувствует и знает, своему ребенку или мне, что это иногда было большой нагрузкой.

Но, мне кажется, дело даже не в этом. Саша безумно нервничал и волновался за нее. И Кате действительно передавалась эта его нервозность. Если он смотрел по телевизору ее выступления в прямом эфире, то во время прыжка всегда закрывал глаза и спрашивал у меня: «Прыгнула?» — «Прыгнула!» — можно открывать глаза.

Он всегда долго и внимательно смотрел записи всех ее выступлений и тренировок. Приходит как-то Катя с тренировки, на попе огромная гематома василькового цвета. Ясно, что падала она не один раз. Все дальнейшие тренировки проходили на уколах. Сделали запись. Саша стал смотреть: смотрит, пере-

кручивает назад и снова смотрит, потом еще раз, и еще. Он пытался понять, что она неправильно делает. А рядом с ним на диване сидит наша младшая дочь Маша, которая в итоге не выдерживает: «Папа, перестань уже, ей же так больно!»

Между девочками разница в четыре года, и какие же они разные! Машу всегда влекло в коллектив. А Катю тянуло к лидерству. Даже когда была совсем маленькой, она всегда говорила: «Я первая!» Маша же более спокойно относилась к тому, первая она или вторая. Она спокойнее относилась к тому, что у нее могло что-то не получаться. Катя же обязательно должна была быть лучшей. Мы отдавали Машу в спорт. Но ей не понравилось: она захотела яблоко, а ей не дали; у нее замерзли руки, а надо кататься. Мы же к тому времени уже настолько были увлечены Катиним спортом, что к Маше относились больше как к ребенку: не хочешь — не надо, не можешь — не делай. С Катей же такой номер не проходил. Шесть часов утра, на улице мороз, я говорю: «Катя, давай мы с тобой сегодня на тренировку не поедим?» Но она уже стоит у двери одетая: «Это моя работа. Я ее должна

жить своими ощущениями, и ему нужно объяснить, что от него хотят и почему он что-то должен делать, в то время как у него может болеть животик или головка или же ему просто не хочется. В случае же с Катей таких вариантов просто не было.

На сборах во Франции. Показательные выступления в Морзине. Лето 1986 г.

«КОГДА ОНИ ВЕРНУЛИСЬ ИЗ ФРГ, Я СРАЗУ ПОНЯЛА: ТУТ ЛЮБОВЬ, А МОЖЕТ, И БОЛЬШЕ»

делать». Она никогда не спрашивала: «Мы пойдем завтра на тренировку?» Она без разговоров просыпалась ни свет ни заря сама и будила нас.

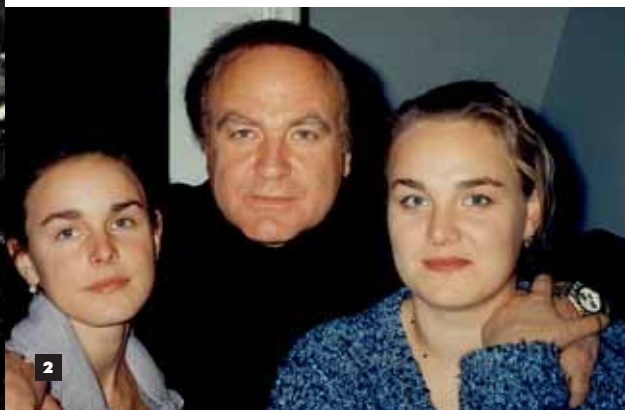
Я считаю, все эти качества и объединяются в определение «спортивный характер». Ведь как говорят? Физкультурников у нас много, а спортсменов единицы. Спортсмен — это личность. Это, так же как и талант, дано природой. Маленький ребенок вряд ли может понять, насколько ответственный папа или насколько исполнительная мама, и осознанно брать с них пример. В этом возрасте ребенок

По этому поводу вы однажды сказали: «Если Маша — это пластилин, то Катя — это глина: если лепится, то навсегда».

Катя очень жесткий человек. Жесткий по отношению к себе. Она невероятно требовательна к себе. Маша тоже ответственный человек, который сегодня может работать по двадцать четыре часа в сутки, но у нее это пришло с возрастом. У Катюхи же это врожденное. Вот вам пример. У Кати день рождения. Пришли к ней дети, и в самый разгар веселья, часов в восемь вечера, она говорит:

1

2

1, 2. Катя с мамой, Александром Алексеевичем, и с младшей сестрой Марией.
3. Все только начинается. Урок хореографии в Центральном спортивном клубе армии

3

«ОНА НЕ СПРАШИВАЛА: «МЫ ПОЙДЕМ НА ТРЕНИРОВКУ?», А ПРОСЫПАЛАСЬ И БУДИЛА НАС»

«Ну, вы тут поиграйте с Машей, а я пойду спать, мне утром на тренировку». И ушла спать.

Ну хоть какие-то хочу — не хочу, буду — не буду у нее были?

Вы знаете, слова «хочу — не хочу» в нашей семье не принимались в принципе. Наш папа всегда говорил так: «Маленький ребенок что должен хотеть? Спать, писать и кушать. Все остальное хотят родители». У меня дети никогда не бросались на пол, не топали ногами, не требовали новых платьев или игрушек, не лазили ко мне в косметику. У моей мамы тоже существовал строгий порядок: «Дети на кухню заходить не должны. Это не их территория. У них есть своя комната и свои игрушки». Это воспитывалось с раннего возраста — четкое разграничение, что можно, а что нельзя. У нас только дедушка разрешал им приходить в свой кабинет, вытаскивать все книги и вообще делать все, что они захотят. Вот где им было раздолье.

Протест со стороны Катерины был лишь однажды. Она же совершенно случайно попала в фигурное катание. Я все детство и юность занималась танцами, Саша — профессиональный танцор. Поэтому, когда появилась Катя, я думала отдать ее в танцы. А получилось так, что мы отдыхали на юге и там познакомилась с Женей Шеваловским и его женой Надеждой — была такая пара в советском фигурном катании. И за разговорами Саша говорит: «Ребенка бы надо куда-то пристроить». — «А сколько лет?». — «Четыре». — «Вообще рановато, ну ладно, приводи ее к нам, в ЦСКА».

Я купила ей крохотный черный купальничек. Приезжаем на дачу, где они жили с бабушкой, и я говорю: «Катюша, завтра пойдешь заниматься. Лето твое закончилось». Знаете, какой рев был?! «Не хочу я никуда идти заниматься!» Это и понятно: ей было всего четыре года, какие занятия? Ей гулять

хочется, на качелях качаться, а ее везут в Москву, чтобы отдать в ЦСКА. Я сама в слезы: ну как я могу повести ее туда, куда ей не хочется? А Саша настоял: едем.

Хореограф Марина Зуева говорила: «Если что-то и может вывести Катю из равновесия, так это когда что-то не клеится на льду».

Да... Била коньком лед, когда что-то не получалось. Била так, что лед выскакивал кусками. Швыряла коньком в стенку, когда чувствовала, что она откатала лучше, чем кто-то еще, а судьи не оценили ее катание по достоинству. Это еще когда совсем маленькая была. Папа потом эту дырку в стене обвел карандашиком красным: «Характер Кати».

А дома как с ней было? Легко?

Очень легко. Она необыкновенно послушная девочка. Вероятно, у нее настолько все сконцентрировалось в спорте, вся эта жесткость, самоотдача, что на жизнь этой жесткости просто не хватило.

Поэтому в жизни она более спокойная, покладистая, мягкая.

Даже сейчас, когда она стала уже взрослой женщиной, она мне иной раз говорит: «Мам, ты только не ругайся...» Я говорю: «Господи, Катя, я когда-нибудь на тебя ругалась?» А в спорте разве она мне так скажет? Да никогда в жизни! Она в спорте решила — значит, так и будет. «Мне утром вставать рано, вы веселитесь, а я спать пошла». *А ведь был период, когда папа убедил ее поступать в хореографическое училище Большого театра.*

Не убедил. Не убедил, но опять же — ребенок рос необыкновенно

послушный. Ну не могла она обидеть папу и сказать: «Нет, я не пойду». И она пошла сдавать экзамены, потому что ей сказал папа. Хотя вся ее душа и все ее тельце восставали против этого. Это потом уже, пройдя все туры, она бросилась на шею своему тренеру Александру Горелику и со слезами умоляла его: «Александр Юдаевич, не отпускайте, пожалуйста, меня в Большой театр, поговорите с папой, чтобы меня не забрали туда».

Где такие дети берутся?

В Шалопаяевском переулке, и обязательно 28 мая, в День пограничника, и обязательно чтобы в этот день

родилось семь мальчиков и одна девочка. И я всегда говорю, что ежегодный салют в этот день — это в ее честь, в честь Кати!

Катя рассказывала: «Мы часто уезжали на сборы в Новогорск, я скучала по маме, плакала ночами в подушку».

Вы знали об этом?

Да, конечно. Мы с Сашей приезжали к ней, но не часто. Это сейчас к спортсменам можно в любое время приехать, позвонить, родители могут ездить вместе с ними на соревнования. Раньше же этих предложений просто не было. Конечно, я знала, что она переживает, скучает, засыпает в обнимку с маминым шарфиком, но это и воспитало из нее спортсменку. Не знаю, получилось бы что-нибудь, если бы я ее всюду за ручку. А так — получилось. Потому что папа был достаточно суровый, а мама, может, достаточно холодна. Холодна не к ребенку, а к определенным ситуациям. Это был ее выбор, ей это нравилось, и я не имела права мешать.

Конечно, она скучала по дому, потому что из-за ее сборов, из-за моей и Сашиной работы мы иногда не виделись месяцами. У нас только Маша дома сидела. Она подходила к телефону и спрашивала: «Это какой город? Это кто звонит?» МАМА? ПАПА? КАТЯ? Несколько раз бывало так, что мы встречались с Катей в аэропортах.

Вот выдержка из статьи тех лет: «Однажды олимпийский чемпион по ручному мячу Анатолий Федюкин, друг семьи, предложил: «Катюша, вот моя золотая медаль. Давай примерим, пойдет ли тебе она?» Катя ответила: «Я подожду, пока у меня будет своя».

Да, это действительно было так. Толик был близким другом Саши. Он был великим спортсменом, у него огромное количество побед и медалей. И вот однажды мы были у них в гостях. Саша поехал забирать Катю с тренировки, но перед этим разложил на кресле все золотые медали Толика, в том числе и олимпийскую. Приезжает Катя. И Саша в качестве воспитательного момента показывает ей:

По словам Кати, мама — лучший друг, советчик и стержень семьи

«Вот видишь, сколько наград!» Толик взял медаль и предложил ей примерить. Катя даже не приложила ее к себе. Она посмотрела и с полной уверенностью сказала, что у нее все это будет.

Зато теперь все свои медали держит в коробочках неизвестно где. Ни одной медали не выставляет и мне не разрешает. Она не считает нужным, чтобы все это было на виду. У меня стоят всего две или три фотографии Кати с Сережей с их выступлений. Все остальное она заставила снять. Когда мы жили в Америке, у меня все было завешано их огромными красивыми фотографиями. Катя все время говорила: «Мам, ну когда ты эту выставку уберешь?»

Знаете, когда Лизе было года три-четыре, я спрашивала у нее: «Ты знаешь, кто у тебя папа?» — «Да, у меня папа — олимпийский чемпион!» «А мама кто?» — «Фигуристка». Вот так.

Вы помните, как зарождались отношения Кати и Сережи?

Зарождалось это не на моих глазах. Все происходило где-то на сборах, соревнованиях, в туре. Но я всегда считала, что Серега — это ее потенциальный муж. Потому что в их случае, глядя на то, как они катались на льду, просто не могло быть иначе. А когда они вернулись из тура по ФРГ, то я ее только увидела — и сразу поняла: тут любовь, а может быть, даже и больше. Хотя она тогда была еще совсем ребен-

ком. Я сразу вижу, когда Катюхе кто-то нравится. Она моментально меняется, меняется во всем, и в первую очередь на льду. Она только выходит на лед, а я уже чувствую: все, девчонка влюбилась. И я в этом никогда не ошибалась. **Когда родилась Даша, вы все заботы о ней взяли на себя.**

Вся моя жизнь пролетела в командировках, и я иногда ловлю себя на мысли, что не помню многих моментов. Чтобы я, например, сидела с ребенком на руках, была дома. И меня это постоянно грызет. А теперь все наоборот: Катя и Маша работают, а я сижу с внуками.

В Америку я прилетела на четвертый день после рождения Даши. И фактически до семи-восьми лет она была на моих руках. Сережа мне сразу сказал: «Вы увольнитесь, будете с ребенком за нами ездить». Так я и ездила с ними по всей Америке.

И так до сих пор. Так было и в прошлом году, когда Катя участвовала в «Ледниковом периоде». Лиза была с ней здесь, в Москве, а я с Дашей — в Америке. Ну а как по-другому? Кате надо кататься, потому что она рождена для этого. На льду она особая, не такая, как в жизни. До «Ледникового периода» мы с ней часто разговаривали. Незадолго до этого умер Саша, и Кате очень хотелось посвятить какую-то свою работу папе. Она советовалась со мной, стоит ли соглашаться на этот проект. Ведь все было связано с детьми, с домом. Если бы я отказалась остаться с Дашей, то ничего бы не было. Но я же прекрасно понимаю, что если я согласилась на это при рождении Даши — уйти с работы, не видеть мужа по три-четыре месяца, то и сейчас не может быть по-другому. И это никакая не жертвенность, просто я знаю, во имя чего все это делаю. Катя может сделать значительно больше, чем ею уже сделано на сегодняшний день, у нее для этого есть все. И нужно просто помочь и обеспечить ее тыл. **В одном из своих интервью Александр Алексеевич как-то сказал: «Катя не привыкла к слезам, хотя ее переживаний хватило бы на троих. Но она никогда не расскажет о своих**

У внушек Дарьи и Лизы два чудесных дома: один — в Америке и один — на даче в России

Таковыми их узнали и полюбили. Чемпионат мира в Женеве, 1986 г. На пьедестале: Е. Гордеева и С. Гриньков, Е. Валова и О. Васильев, С. Коул и М. Роусон (Канада)

Интервью после победы на Чемпионате Европы в Праге (Чехословакия), 1988 г. Интервью берет Сергей Ческидов

Тренировка перед произвольной программой на Олимпиаде в Калгари (Канада), 1988 г.

мечтах и разочарованиях». Было много разговоров о том, зачем Катя написала книгу «Мой Сергей». А как вы думаете, нужна была все-таки эта книга или нет?

В тот момент — да. Поймите, она писала, потому что ей это было просто необходимо. Катя в миг потеряла сразу все. И неизвестно, как сложилась бы ее судьба, если бы опять же не ее характер. Меня смерть мужа на год вышибла из колеи. А она всего через три месяца, на вечере, посвященном памяти Сергея, выходит на лед и катается. И не просто катается, а посвящает свой номер памяти Сергея, рассказывая на льду историю их любви. Не каждый человек это смог бы сделать. Катя смогла. Она начинает писать книгу. Это не слезы, не стенания, не жалость к себе. Это ее жизнь. А вся ее жизнь прошла с Сергеем. Ей нужен был этот выплеск. И этот выплеск был очень своевременным и очень правильным.

Кстати, после книги «Мой Сергей» в Америке вышла книга «Письма Даше». Книжка получилась добрая, искренняя. После ее выхода многие люди писали Даше письма. И вот недавно приходит Лиза из школы и приносит книгу из школьной библиотеки: «Нам по чтению задали прочитать мамину книжку».

Катя рассказывала, что в вашей семье всегда любили праздники и по-

«КАТЯ ВСЕ ВРЕМЯ ГОВОРИЛА: «МАМА, НУ КОГДА ТЫ ЭТУ ВЫСТАВКУ УБЕРЕШЬ?»

особому к ним готовились. «Больше всего это любит делать мама. Она на все праздники украшает дом и делает это с таким азартом и увлечением, что не присоединиться и остаться равнодушным просто невозможно». Вообще, инициатором всевозможных интересных моментов был всегда Саша. Он человек искусства, ему неинтересно было просто так подарить букет цветов. Все должно было быть по-особенному. Если я просила его принести мне книжку, то в ней обязательно находила цветочек. Он любил, чтобы все было красиво, никогда не жалел денег на украшения. Если это надувной Дед Мороз на Новый год, то он должен быть таким огромным, чтобы радовать не только наших, но и соседских детей. Ну, а исполнителем всего была я. И сейчас, когда ко мне приезжают мои друзья или возвращаются из Москвы соседи, мне всегда хочется сделать для них что-то необыкновенное. Тыквы разложить в саду, яблоки в огромных корзинах. Сделать что-то такое, чтобы это было не обыденно.

Я по натуре оптимист. В любой плохой ситуации я обязательно

буду искать что-то хорошее. Пусть даже случилось самое плохое, найти хорошее все равно можно. Все это зависит от твоего настроения, от твоего отношения. Ведь можно посмотреть со слезами на глазах, можно понуть, десять раз себя пожалеть. А можно взять себя в руки и продолжать жить дальше. Ты утром проснулся, открыл глаза — улыбнись жизни, посмотри, как прекрасно вокруг! Идет дождь, черные тучи... Ну и что? Сейчас черные тучи, а за ними — смотри — выглянет солнышко. Дождик идет — так это же прекрасно! Надень плащ, пройдишь по улице.

А по поводу Катиных мечтаний расскажу вам историю. Когда она была маленькая, она говорила: «У меня есть мечта. Я куплю себе «Ягуар», нарисую на нем боковую коровку и назову ее Альфа-Ромео». Какой-то такой каламбур у нее тогда получался. Потом, когда у нее уже появились деньги, я сказала: «Катюха, воплоти свою мечту!» А она: «Мам, а о чем же я тогда мечтать буду?»

Елена Семикова